

Т. Игошева
Санкт-Петербург

Еще раз об А. Ахматовой и М. Зенкевиче

Человеческие коммуникации, интеллектуально-творческие контакты М. А. Зенкевича и А. А. Ахматовой известны гораздо менее, чем другие «диалоги» соратников по Цеху поэтов, например, Ахматовой и Гумилева, Ахматовой и Мандельштама. Выявлению материалов, документирующих взаимоотношения Ахматовой и Зенкевича, посвящен ряд публикаций Р. Д. Тименчика.¹ Архивные документы из фонда М. А. Зенкевича, находящегося на хранении в ОР ИРЛИ, позволяют детализировать и документально дополнить уже сказанное по поводу некоторых векторов взаимного интереса двух поэтов, знакомство которых состоялось весной 1911 года в редакции «Аполлона» и продолжилось вплоть до середины 1960-х годов.

Интерес Ахматовой и Зенкевича друг к другу был обоюдным, хотя и отмечен разной степенью заинтересованности в различные периоды жизни обоих писателей. Записные книжки Ахматовой свидетельствуют, что, бывая в Москве в 1950–1960-е годы она звонила Зенкевичу, виделась с ним, включала его в списки тех, кому она предполагала подарить свою новую книгу. Ахматова ценила мнение Зенкевича о своем творчестве.²

Но в данной публикации нас будет интересовать, прежде всего, восприятие М. Зенкевичем образа Ахматовой. Облик Ахматовой, ее тип женской красоты, содержание творчества Ахматовой, – эти разные грани личности поэта становились объектом творческого внимания Зенкевича на протяжении многих лет. Сложность восстановления рецепции Ахматовой творческим сознанием Зенкевича заключается в том, что по своему психологическому типу автор «Дикой порфиры» был, по всей видимости, человеком достаточно замкнутым, закрытым. В отличие от Ахматовой у него не было своего Эккермана, он не вел дневников, в его архиве практически отсутствуют записи биографического, личного характера. Тем не менее свидетельства, говорящие о том, что образ Ахматовой оставил свой отпечаток в его культурной памяти, существуют.

Эпизод первый. 30 ноября 1921 года Зенкевич преподнес Ахматовой свою книгу стихов «Пашня танков», вышедшую в Саратове, с надписью: «*Анне Андреевне Ахматовой, когда-то освятившей своим именем мои “Мясные ряды”.* Мих. Зенкевич. 1921. 30. XI. СПб». ³ Это случилось при встрече, произошедшей 30 ноября 1921 года в библиотеке Агрономического института, что описано Зенкевичем в «Мужицком сфинксе» в главе «С Ахматовой у камина». ⁴ При реконструкции эпизода с посвящением «Мясных рядов» Ахматовой Р. Д. Тименчик ссылается на устное свидетельство М. А. Зенкевича, полученное им с Г. Г. Суперфином в беседе с поэтом, состоявшейся в октябре 1971 года. ⁵ Это устное свидетельство, к которому отсылает Р. Д. Тименчик, необходимо дополнить записью, сделанной М. А. Зенкевичем в Записной книжке, ⁶ важной в условиях скудости источников его биографии. В этой записи автор «Дикой порфиры» комментирует собственные слова 1921 года об Ахматовой, «освятившей своим именем стихотворение “Мясные ряды”». Приведем ее целиком:

«Посвящение “Мясных рядов”»

В моей “Дикой порфире” – “Мясные ряды” были посвящены “А. Ахматовой”. Еще до выхода сборника в ту же зиму, как и Анна Андреевна, я впервые выступил с чтением своих стихов в редакции журнала “Аполлон”, помещавшейся тогда на Мойке. Я прочел сначала один сонет (“Валгалла”), а потом “Мясные ряды”, которые прозвучали необычно резко. Наступило молчание, а потом Вяч. Иванов выступил с похвалой им, сравнив стихи с “Падалью” Бодлэра. В действительности мои стихи были внушены т. н. мясными рядами на бывшей Митрофановской площади в Саратове, где напротив церкви виселись похожие на виселицу столбы с большими весами на железной цепи. На одну чашу их валили целиком туши, а на другую пудовые гири, с мелочью фунтов и золотников. Потом туши разрубали мясники топором на больших плахах. В перерыв ко мне подошла Анна Андреевна и сказала – “Посвятите «Мясные ряды» мне”. Я исполнил ее просьбу, хотя мне не пришла бы в голову мысль посвящать такие стихи ей. В сборник моих избранных стихов “под редакцией Эд. Багрицкого” ⁷ вошли “Мясные ряды”, но без посвящения “А. Ахматовой”.

Я включил “Мясные ряды” в сборник “Сквозь грозы лет”⁸ и собирался спросить Анну Андреевну – хочет ли она сохранить посвящение ей, но неожиданно для меня стихи эти сняли, и спрашивать ее мне не пришлось».⁹

Запись Зенкевича позволяет восстановить историю посвящения стихотворения «Мясные ряды»: в «Дикой порфире» (1912) – посвящение присутствует, в «Избранном» (1933, под ред. Э. Багрицкого) – отсутствует, причем Зенкевич обошел молчанием причину снятия посвящения в этом сборнике. И наконец, в книге Зенкевича «Сквозь грозы лет» (1962) – текст стихотворения «Мясные ряды» был снят по цензурным соображениям, в связи с чем вопрос о сохранении посвящения Ахматовой отпал сам собой.

Эпизод второй. Известна уже неоднократно воспроизводившаяся надпись Зенкевича на книге его стихов «Сквозь грозы лет» (1962), обращенная к Ахматовой:

*Анне Ахматовой –
поэту с абсолютным
музыкально-поэтическим
слухом*

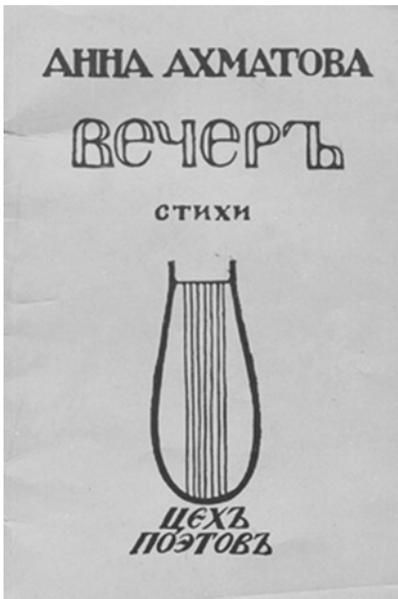
Тот день запечатлелся четко
Виденьем юношеских грез –
Как на извозчичьей пролетке
Ваш «Вечер» в книжный склад я вез
С моею «Дикою порфирой»...
Тот день сквозь северный туман
Встает озвучен, осиян
Серебряною Вашей лирой!

8 декабря 1962¹⁰

Стихотворное обращение отсылает к событию начала марта 1912 года,¹¹ когда по просьбе Н. Гумилева Зенкевич вывез тираж своей «Дикой порфирой» и ахматовского «Вечера» из типографии на книжный склад М. О. Вольфа в Петербурге. На обложках обеих книг была изображена лира – рисунок С. Городецкого, который использовался при издании книг «Цеха поэтов». Спустя 50 лет, в приведенной

выше надписи, обращенной к Ахматовой, эта лира превращается в образ серебряной лиры, которой оказался «осиян тот день», т. е. стихотворная надпись свидетельствует о достаточно высокой степени важности для Зенкевича той давнишней встречи в 1912 году и «встречи» первой книги Ахматовой с его собственной первой поэтической книгой.

Этот же мартовский эпизод 1912 года нашел свое отражение и в «Мужицком сфинксе» Зенкевича в главе «У камина с Анной Ахматовой»: «Вот я везу ее “Вечер” вместе со своей “Дикой порфирой” на склад к Вольфу, и на собрании “Цеха поэтов” мы сидим с ней в нелепых лавровых венках, сплетенных Городецким...».¹²

А. Ахматова. Вечер. СПб.: Цех поэтов, 1912.

М. Зенкевич. Дикая порфира. СПб.: Цех поэтов, 1912.

Эпизод третий. В архивном собрании Зенкевича в ИРЛИ находится так называемый «Альбом с серебряным обрезом», где расположен еще один неопубликованный до сих пор инскрипт, обращенный к Ахматовой, который Зенкевич предполагал оставить на томе своих переводов «Поэты XX века» (1965) и преподнести его Ахматовой. Воспроизведем его полностью:

Мой номер третий, Ваш – четвертый,
Нас подравняли, как в строю.
И я таким соседством гордый,
Застыв на вытяжку стою.

Две наших книжки рядом снова,
Суровы и просты на вид,
Но полстолетья – и какого,
В их глубь зеркальную глядит.

24/V 1965.¹³

В устной беседе Р. Д. Тименчик высказал предположение, что в надписи Зенкевича речь идет об издании «Голоса поэтов: Стихи зарубежных поэтов в переводе Анны Ахматовой», предисловие к которому написал А. А. Тарковский. Зенкевич выступил в качестве редактора этого сборника переводов, выполненных Ахматовой. 25 августа 1965 года Ахматова отмечала: «Книга переводов <“Голоса поэтов”> – идут уже листы, деньги будут примерно через месяц».¹⁴ Тираж этой книги вышел в сентябре 1965 года, а инскрипт Зенкевича датирован 24 мая 1965 года. Если речь идет действительно о сборнике переводов Ахматовой, то к этому времени он был только подписан к печати (28 апреля 1965), но еще не вышел в свет. Несмотря на этот факт, в инскрипте Зенкевича о нем говорится как об уже готовой книге («Две наших книжки снова рядом»).

В надписи присутствует подтверждение, что Зенкевич имеет в виду именно сборник переводов Ахматовой «Голоса поэтов. Стихи зарубежных поэтов», а не «Бег времени», вышедший в свет в том же, что и переводы, 1965 году. Об этом свидетельствует строка «Мой номер третий, ваш – четвертый». Эта нумерация – свидетельство не ранжирования поэтов-акмеистов, как возможно было бы предпо-

ложить (по типу «Зенкевич – четвертый акмеист»¹⁵), а факт библиографии: две книги «Голоса поэтов» Ахматовой и «Поэты XX века» Зенкевича вышли в одной и той же книжной серии «Мастера поэтического перевода»,¹⁶ каждому выпуску которой присвоен свой номер. «Поэты XX века» Зенкевича – 3-й выпуск, «Голоса поэтов» Ахматовой – 4-й выпуск. Отсюда – «Мой номер третий, ваш – четвертый». Таким образом, в 1965 году две книги переводов, «Голоса поэтов» Ахматовой и «Поэты XX века» Зенкевича, вновь в едином серийном оформлении («суровы и просты на вид»), более пяти десятилетий спустя («Но полстолетья и какого...»), встретились вновь («снова рядом»), как встретились уже в далеком 1912 году их книги «Вечер» и «Дикая порфира».

Эпизод четвертый. Для Зенкевича Ахматова – не только факт его биографии; ее личность не раз отбрасывала художественные проекции в художественных текстах Зенкевича.

В 1921 году Зенкевич начал работу над беллетристическими мемуарами «Мужицкий сфинкс»¹⁷ (мы уже упоминали этот роман выше в связи с главой «У камина с Анной Ахматовой»¹⁸). Имя Ахматовой и ее художественный образ введены в роман Зенкевичем в качестве знака эпохи, которую он воспроизводил в своем романе (позже Ахматова также будет вводить в «Поэму без Героя» имена и образы своих современников).

Помимо героини Ахматовой, с которой встречается автобиографический герой Зенкевича, в этом произведении присутствует и другой женский образ – Эльга,¹⁹ которая представляет собой художественное обобщение особого типа роковой женщины, воплощающей собой такие экзистенциальные понятия, как любовь, жизнь и смерть. По мнению Александры Николаевны Зенкевич, на формирование этого женского образа определенным образом повлияла Ахматова, которую М. Зенкевич и воспринимал как роковую красавицу – участницу трагических событий начала XX века.²⁰ В своей записке «Слово свидетеля», сопровождающей переплетенный экземпляр машинописи «Мужицкого сфинкса»²¹ (из собрания М. С. Лесмана, ныне хранящийся в отделе фондов музея Ахматовой в Фонтанном Доме),²² она писала: «Кто Эльга? Конечно, Ахматова: точнее, она

стала прообразом этой демонической героини. С ней у Михаила Александровича связана лирическая история предреволюционных лет, едва не закончившаяся трагедией. <...> С А. А. Ахматовой М. А. был в дружеских отношениях всю жизнь, посвятил ей немало прекрасных стихов <...>. Дружбу они сохранили навечно». ²³

На страницах «Альбома с серебряным обрезаем», находящегося на хранении в ИРЛИ, обнаружена запись Зенкевича, подтверждающая факт прочтения Ахматовой неопубликованного романа «Мужицкий сфинкс»: ²⁴ «Ахматовой дал перепечатанный на пишущей машинке экземпляр моей прозы. В Ленинградском издательстве «Советский писатель» ²⁵ Маргулис ²⁶ без моего разрешения <дал> другой экземпляр». Она ее прочла, потом сожгла, как она мне сказала. Читал ее Осип Мандельштам в Москве. Хвалил, особенно ее вторую «мужицкую часть». NB». ²⁷

Отметим, что совершенно иначе отреагировал на «Мужицкого сфинкса» А. Фадеев, который с конца 1920-х годов был одним из лидеров РАППа. Зенкевич вспоминал: «Дал почитать Александру Фадееву – чтоб помог напечатать. Тот удивился, прочитав написанное: “Зачем все эти Ахматовы, Гумилевы, Нарбуты, Сологубы?.. Сейчас нужно не прошлое ворошить, а творчески устремляться в будущее”. Мне ничего не оставалось другого, как прислушаться к этому полезному совету». ²⁸

Эпизод пятый. В ИРЛИ в фонде М. А. Зенкевича (ф. 773) хранится неопубликованное произведение «Торжество авиации» (1935–1937).

«Торжество авиации» ²⁹ – поэма сложная и многоплановая. В ней интересны как художественные поиски Зенкевича, так и определенные достижения, важные не только для понимания его собственного творчества, но также и для понимания историко-литературного процесса этого времени в целом.

Тематически поэма посвящена авиации, что неудивительно для этой эпохи, и в полной мере соотносится с футуристической идеей динамики, скорости, «пожирания пространства», литературная реализация которой приходится на 1920-е годы. При этом важно отметить, что о советской авиации в поэме речь ведется, но вовсе не она

выдвинута на первый план. Главным героем является американский летчик, Вильбур Райт. Вместе с братом Орвиллом Райтом они считаются первыми в мире конструкторами, которые построили летательный аппарат тяжелее воздуха (т. е. не планер, а аппарат с двигателем), совершали на нем первые показательные *управляемые* полеты в Европе и Америке.

Структура и сюжетно-композиционное оформление «Торжества авиации» Зенкевича весьма изощренное, поскольку базируется на сложных переходах от актуальной реальности к виртуальной и обратно. Здесь стоит напомнить, что на подобном способе художественного изображения Зенкевич настаивал и в «Мужицком сфинксе»: «Пользуясь приемом бредового смешения событий в искаженной перспективе времени, автор выплескивает из глубинных тайников души до отчаяния близкие образы, давно канувшие в Лету. И кто осудит горячечного больного, если в неясном для окружающих бреде он скажет заветное, дорогое...».³⁰

Первая и вторая части поэмы посвящены изображению Вильбура Райта, прибывшего из Америки в Европу для показательных полетов. Вильбур работает в ангаре на аэродроме, который расположен на севере Франции, и проводит испытания своего летательного аппарата. К нему приходят различные визитеры: Мультимиллионер, Корреспондент, Член Французского авиаклуба, Титулованная леди. Последний из перечисленных персонажей, Титулованная леди, – образ *роковой женщины*, тот тип, с которым мы уже встречались в «Мужицком сфинксе» в образе Эльги Густавовны. Характеристика, которой наделяет ее автор, составлена из биографических и поэтических черт, заставляющих вспомнить об Ахматовой. Так, например, атрибутика, в окружении которой описывается героиня «Торжества авиации», – подобна той, которая окружает лирическую героиню Ахматовой: вуаль, перчатки, зеркало и пр.

Ее появление перед Райтом сопровождается образами луны, лунного луча, лунного сияния³¹ и т. д. Более того, в автохарактеристике героини, – она – порождение луны, лунной ночи. Она зависит от луны, она – лунатичка, о чем сообщает сама героиня: «О, лунная любовная тоска, / И я – в ее лучах-тисках!» Вильбур Райт в поэме обращается к Титулованной леди именно так: «Вы – лунатичка...».

Этот мотивно-образный комплекс луны и лунного света корре-

Украдкою –
 Дать счастье,
 взять счастье
 Краткое...

Женский образ в «Торжестве авиации» Зенкевич выстраивает с использованием архетипа роковой женщины, обладающей магической притягательностью. Женственность для нее – инструмент соблазнения мужчины, который в свою очередь для нее – жертва, обязанная покориться ее чарам.

В оформлении речи Титулованной Леди активно используется ахматовская лексика: незванный,³⁷ украдкой, терпкий.³⁸

Образу Титулованной Леди в «Торжестве авиации» отведена важная роль: она – символическое воплощение любви, которую Вильбур отвергает. В подобном сюжетном положении также можно увидеть отсылку к лирическим сюжетам Ахматовой, в которых один из двух любит, другой отвергает эту любовь. Роковая женщина, предлагая свою любовь необычного существа, посягает на профессиональную честь Вильбура, поскольку его жизнь посвящена исключительно делу полета. Его миссия – «дать крылья человечеству», «открыть блистательную летательную эру». Однако погруженность в профессию, увлеченность полетом Райта так велики, что становятся для него щитом, надежно отражающим оружие «роковой женщины».

Таким образом, структура образа Титулованной Леди в «Торжестве авиации» включает в себя такие «ахматовские элементы», как лексические единицы, маркированные ахматовской лирикой. Образно-мотивный состав, атрибутика, сопровождающая Титулованную леди, отсылает к лирической героине Ахматовой. Наконец, сюжетное положение отвергнутой любви женского персонажа также обнаруживаем в сюжете любовной лирики Ахматовой.

¹ См.: *Тименчик Р. Д.* Из именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой: левый фланг акмеизма // Блоковский сб. XIX. Александр Блок и русская литература Серебряного века. Тарту, 2015. С. 156.

² Об этом говорит, напр., одна из записей Л. К. Чуковской 1963: «Знаете, что сказал о моем последнем цикле Зенкевич? <По словам Н. И. Крайневой, речь идет о «Полночных стихах». –

Т. И. >. Влюбленность изображена тут в виде некоей третьей силы, вне людей существующей. / Что ж, это верно. То есть и то, что влюбленность в виде посторонней силы изображена в “Красотке” <стихотворение «В зазеркалье» из «Полночных стихов». – *Т. И.* >, да и в жизни оно так и есть. Приходит некая третья сила и начинает распоряжаться двумя неповинными людьми. Они, в сущности, ни при чем» (*Чуковская Л.* Записки об Анне Ахматовой. В 3 т. 1963–1966. Т. 3. М., 1997. С. 111–112).

³ Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана. М., 1989. С. 101.

⁴ См.: *Зенкевич М.* Сказочная эра. М., 1994. С. 419–422.

⁵ *Тименчик Р. Д.* Из именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой: левый фланг акмеизма. С. 153.

⁶ ИРЛИ, ф. 773 (М. А. Зенкевич).

⁷ Речь идет о сб.: *Зенкевич М.* Избранное. М., 1933.

⁸ Речь идет о 1962. Действительно, в составе книги М. Зенкевича «Сквозь грозы лет» (М., 1962) стихотворение «Мясные ряды» отсутствует.

⁹ ИРЛИ, ф. 773.

¹⁰ Печаталась по списку с автографа из архива М. Синельникова. Впервые: Синельников М. Два любовных взгляда «Потаенные стихи» Михаила Зенкевича // КО. 1991. № 46. С. 3; то же: *Зенкевич М.* Сказочная эра. М., 1994. С. 335.

¹¹ М. А. Зенкевич писал Вас. В. Гиппиусу 7 марта 1912 о своей книге «Дикая порфира»: «Книга готова – можешь получить ее у меня. Анна Андреевна тоже (т. е. книга)» (Цит. по: *Тименчик Р. Д., Лавров А. В.* Материалы А. А. Ахматовой в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л., 1976. С. 53–82.

¹² *Зенкевич М. А.* Сказочная эра. С. 421.

¹³ ИРЛИ, ф. 773.

¹⁴ *Черных В. А.* Летопись жизни и творчества А. А. Ахматовой. М., 2016. С. 838.

¹⁵ Ср.: «Нас было шестеро и никогда не было седьмого...» (Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / Сост. и подготовка текста К. Н. Суворовой. М.; Torino, 1996. С. 226).

¹⁶ См. публикацию, посвященную этой серии: *Егорова Л. В.* О переводах и переводчиках. Серия «Мастера художественного перевода» // Вопросы литературы. 2019. № 2. С. 173–192.

¹⁷ О «Мужицком сфинксе» см.: *Поливанов К.* Роман Михаила Зенкевича «Мужицкий сфинкс» в контексте автобиографической и мемуарной прозы русских модернистов // Russian Literature XLI (1997) North-Holland. P. 533–542; То же: *Поливанов К.* Пастернак и современники. М., 2006. С. 77–86; *Захарьева И. П.* Беллетризация мемуарного «Петербургского текста» в романе Михаила Зенкевича «Мужицкий сфинкс» // Болгарская русистика. 2015. № 3–4. С. 77–93.

¹⁸ Впервые эту главу опубликовал Р. Д. Тименчик в издании: *Ахматова А.* После всего. М., 1989. С. 20–23. Однако имеется свидетельство, что эту главу М. Зенкевич предполагал опубликовать при жизни. Об этом см. письмо Э. Герштейн от 18.01.1967: «Уважаемый Михаил Александрович! Позволяю себе вернуться к нашему разговору о Ваших воспоминаниях о покойной Анне Андреевне. По договоренности с издательством “Советский писатель” я сейчас подаю заявку на сборник. Разрешите мне назвать Вас в числе авторов. Вы хотели мне прислать главу “У камина” из Вашего романа двадцатых годов. Но я ничего не получила. Может быть, виною этому перемена моего адреса? Теперь он таков: Москва А-319. 2-я Аэропортовская, 18, кв. 53. Эмма Григорьевна Герштейн. С нетерпением жду Вашего согласия участвовать в сборнике. Уважающая Вас, Э. Герштейн» (РГБ, ф. 822, карт. 4, № 8, л. 1).

¹⁹ Отсылка к стихотворению Н. С. Гумилева «Ольга» («Эльга, Эльга», – звучало над полями...») из его сборника «Огненный столп» (1921).

²⁰ Вспомним, что в «Поэме без Героя» образ лирической героини тоже будет двойтаться: «Ты – один из моих двойников».

²¹ В примечаниях к роману «Мужицкий сфинкс», опубликованному С. Е. Зенкевичем в сборнике: М. А. Зенкевич «Сказочная эра» (М., 1994), воспроизведена запись «Слово свидетеля» А. Н. Зенкевич, к сожалению, без указания на место ее архивного хранения. Между опубликованной в указанном издании запиской А. Н. Зенкевич и записью под аналогичным названием «Слово свидетеля», хранящейся в музее Ахматовой в Фонтанном Доме, имеются разночтения.

²² Отдел фондов музея Ахматовой в Фонтанном Доме, ф. 5, оп. 1, д. 100.

²³ Зенкевич М. Сказочная эра. С. 658.

²⁴ Отвергнутые названия «Мужицкая ладанка» и «Площадь Урицкого – Путиловский».

²⁵ Документальных свидетельств о попытке опубликовать роман в издательстве «Советский писатель» (организовано в 1934) обнаружить не удалось, зато известно, что в 1930 Зенкевич пытался издать роман в издательстве «Федерация» (см. договор об издании этого романа в «Федерации» от 9 апреля 1930. (ОР РГБ, ф. 882, оп. 2, ед. хр. 24). Издание, однако, не состоялось ни в «Советском писателе», ни в «Федерации», которая была слита с издательством «Советский писатель» в 1934.

²⁶ Соболев А. Л. Тименчик Р. Д. Венеция в русской поэзии. М., 2019. С. 804–807.

²⁷ ИРЛИ, ф. 773.

²⁸ Воспоминания об Ахматовой. М., 1991. С. 91.

²⁹ Ср.: заглавие поэмы Н. А. Заболоцкого «Торжество земледелия» (1930).

³⁰ Зенкевич М. Сказочная эра. С. 412. Ср. с художественным методом «смешения событий в искаженной перспективе времени» у Ахматовой в ее «Поэме без Героя».

³¹ Ср. со стихотворением «Свет Луны» из «Дикой порфиры», которое заканчивается объединением образов лунного луча и влюбленных дев: «Лунный луч сверкнет нежданным чудом / В сумрачных зрачках влюбленных дев: «ролевым» стихотворением М. Зенкевича «О, не сияй так, Луна! Луна!» (1921), написанным от имени Актеона и завершающимся строками: «Я умираю от лучезарной ноши / Моей любви, Луна! Луна!» (Зенкевич М. Сказочная эра. С. 140).

³² См.: «Молюсь оконному лучу...» (1909), «По полу лучи луны...» (1909), «Маскарад в парке» («Луна освещает карнизы...») (1910), «Вижу, вижу лунный лук...» (1915) и др.

³³ Лукницкий П. Н. Acumiana. Т. 1. 1924–1925. Paris, 1991. С. 156.

³⁴ Там же. С. 58.

³⁵ «Лунные» образы и мотивы в лирике Гумилева с лунатизмом Ахматовой связывал в своей заметке Р. Д. Тименчик. См.: Тименчик Р. Д. Вступ. ст. к публикации стихотворений Гумилёва // Родник. 1988. № 10. С. 20.

³⁶ Отсылка к ахматовскому выражению «Лунная жуть» из стихотворения «Если плещется лунная жуть...» (1928). Ахматова А. Соч. В 2 т. Т. 1. М., 1996. С. 180.

³⁷ Ср.: «Заклинание» (1936) Ахматовой: «Незванный, / Несуженый, / – Приди ко мне ужинать» (Там же. С. 186.)

³⁸ «Терпкая гостья любви» Зенкевича – перифраз ахматовского «терпкой печалью напоила его допяна» из стихотворения «Сжала руки под темной вуалью...» (1911) (Там же. С. 28).